

Есть контакт!

Цяо Юй растянул губы в улыбке, поднял руку и захлопал в такт, продолжая напевать строки о герое, что в одиночку бросает вызов отчаянию и не сдаётся ни перед чем.

«Иди же, разве ты достоин!»

Цяо Юй на миг замолк, и в следующую секунду Хоу Юаньюань вдруг вскочил на ноги с самым воодушевлённым видом, подхватив следующую строчку про рваный плащ героя.

Цяо Юй: «Сразись, встань!»

Хоу Юаньюань продолжил петь про самую ничтожную из мечтаний.

Цяо Юй хлопал в ладоши, расплываясь в «ласковой» улыбке, а Хоу Юаньюань, подпевая, постепенно приближался к нему. Картина выглядела до крайности странной, а лица остальных ведущих постепенно сменили изумление на неподдельный восторг. Как раз в этот момент сверху донёсся крик: «Юаньюань, ужинать пора!»

Хоу Юаньюань на миг остановился и тут же задрал голову, откликаясь Ли Сяоцинь наверху: «Поняла, мама, уже иду».

Договорив, он с сожалением бросил взгляд на Цяо Юя, а затем затопал вверх по лестнице.

Улун не мог скрыть разочарования, а заодно и недоумения: «Ещё чуть-чуть оставалось... кстати, а почему он вообще на тебя отреагировал?»

Цяо Юй лишь пожал плечами.

А что тут гадать? Сходи разок к начальной школе и сразу всё поймёшь.

Впрочем, если бы эта песня не сработала, у Цяо Юя в запасе была ещё парочка других — какая-нибудь да зацепит!

В этот момент мужчина в костюме убрал конфеты обратно в карман и, глянув на часы, предложил: «Сейчас уже полседьмого вечера, лучше нам поскорее разойтись по комнатам».

Безопасное время в этом сценарии длилось с семи утра до семи вечера, а значит, оставалось ещё полчаса до конца безопасного периода.

Услышав это, все тут же отбросили прежнюю подавленность и, будто перед лицом смертельной опасности, поспешно разбежались по своим комнатам.

Одному небу известно, что случится в сценарии после семи вечера, но если судить по той улке насчёт правил, что Цяо Юй уже успел получить... возможно, в самих комнатах безопасно?

Что там думали остальные, неизвестно, но, дойдя до двери своей комнаты, Цяо Юй вдруг вспомнил, что забыл попросить у домовладельца открывашку для консервов.

Он остановился у двери, перевернул банку и постучал по доньшку, затем снова перевернул и попытался открутить крышку, но безуспешно, и тут же решительно развернулся и побежал вниз.

Что поделатъ, если это тело было хилым, точно варёная курица, и силы в руках почти не было.

Времени оставалось в обрез, и Цяо Юю было уже не до того, обвалится ли лестница под ногами — он с грохотом сбежал на первый этаж, к магазинчику, но там оказалось пусто: домовладелец, оставив дверь открытой, куда-то отлучился.

Цяо Юй подождал пару минут, но, видя, что хозяин всё не возвращается, решил справиться самостоятельно.

В два прыжка он оказался у прилавка, порылся на полке с товарами повседневного спроса и успешно нашёл открывашку, после чего сунул её в карман и, повернувшись к неисправной, судя по всему, камере в углу, объявил: «Заранее предупреждаю, дядя домовладелец, это не кража, а временное заимствование! Завтра утром верну, чмоки-чмоки».

«Он такой бессовестный».

«Он такой бессовестный +1»

«Он такой бессовестный +2»

«Он такой бессовестный, но мне так нравится~»

«Наверху, может, помолчите??»

В 18:58 вечера Цяо Юй успешно поднялся на четвёртый этаж, но не успел он и вздохнуть спокойно, как нос к носу столкнулся с домовладельцем, вышедшим из глубины коридора.

«Ещё не ужинал?»

Домовладелец приветливо улыбался, а Цяо Юй уклончиво промямлил что-то и виновато отвёл взгляд: «Да так, дядя... если ничего срочного, я пойду к себе!»

Домовладелец безразлично махнул рукой: «Иди-иди».

Цяо Юй, будто получив помилование, тут же сорвался с места и убежал.

К счастью, он успел ворваться в комнату и запереть дверь на замок как раз до семи вечера.

Только тогда у него появилась возможность перевести дух. Он достал открывашку, вскрыл банку и принялся за еду: «Кто там говорил, что консервированные жёлтые персики бесполезны? Съел эту штуку — и поясница не болит, и ноги не ноют, даже сердце биться перестало, вот это я понимаю, полезная вещь!»

Зрители эфира по-новому оценили бесстыдство Цяо Юя.

«Красавчик, воровать нехорошо...»

Цяо Юй с невозмутимым видом возразил: «Кто сказал, что я украл? Я просто временно позаимствовал, я же ясно сказал, что завтра утром верну. Это же не еда какая-нибудь, что от использования испортится, что ли? И вообще... кого это вы тут называете красавчиком? Я вообще-то метр восемьдесят здоровяк, разве не видно?»

«Не видно».

Цяо Юй: «...А вот это уже видно».

«А вот это правда не видно!»

«Буду звать, буду звать, красавчик, красавчик, красавчик...»

Глядя на экран, полностью заполненный словом «красавчик», Цяо Юй слегка покраснел ушами и разозлился от смущения: «Вы что, издеваетесь?»

«Ладно-ладно-ладно, во всём виноват я, я был не прав, довольны?»

Что-то это до боли знакомо звучит??

Подражатели чёртовы, гром вас разрази!!!

Цяо Юй выковырял из банки крупный кусок персика и запихнул в рот, со злостью пережёвывая мякоть в мелкую кашу.

**

Юноша в очках с чёрной оправой прибежал обратно в комнату и, ещё не оправившись от испуга, присел на край кровати, ожидая наступления ночи с её неведомыми ужасами.

«Ух~ вот он, вкус страха, как же хорош~»

«А что там с Ли Сяоцинью? Почему она до сих пор не начала действовать?»

«Эх, как же я завидую Ли Сяоцинью, интересно, когда же дойдёт очередь и до меня».

Возможно, из-за того что этого ведущего по имени Чэньси не читал комментарии в чате, зрители становились всё более и более беззастенчивыми, без всякого стеснения смакуя страх ведущих в ожидании этого пиршества, что зовётся резнёй.

Время текло минута за минутой, и весь дом будто погрузился в полное безмолвие, спокойствие настолько гнетущее, что становилось не по себе. Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем за плохо звукоизолированной дверью раздались громкие удары по двери.

«Дрянь, а ну открывай живо».

Пьяный крик разнёсся по коридору, и все понимали: это муж Ли Сяоцинью.

Чэньси, уже положив руку на дверную ручку, сперва осторожно взглянул на время и обнаружил, что сейчас уже 22:15.

Он тут же отпустил ручку и, наклонившись к дверному глазку, осторожно принялся наблюдать за происходящим в коридоре.

Он жил в 4009, и оттуда с трудом можно было разглядеть лишь половину фигуры мужа Ли Сяоцинью. Тот привалился к двери и без остановки колотил по ней, совершенно не заботясь о том, что мешает соседям спать.

Спустя недолгое время дверь открылась, и первым, что встретило Ли Сяоцинью, оказался увесистый кулак. Мужчина, заплетаясь языком, произнёс: «Ты что, оглохла? Так долго открывала, старику своему!»

Ли Сяоцин, не обращая внимания на ноющее плечо, поспешно вскочила и попыталась его остановить: «Ребёнок спит, потише».

«Больная, что ли? Какой у меня ещё ребёнок? Ты же родить не можешь, чёрт бы тебя...»

Закрывшаяся дверь оборвала дальнейший разговор, но Чэньси перед этим смутно расслышал, как муж Ли Сяоцин произнёс слово «усыновление».

Неужели Хоу Юаньюань им не родной сын, а приёмный ребёнок Ли Сяоцин?

Значит ли это, что причина домашнего насилия — её неспособность иметь детей?

Бесчисленные вопросы стремительно пронесли в голове, но их прервало погасшее автоматическое освещение в коридоре. Чэньси поспешно отвёл глаз от дверного глазка, не решаясь больше подглядывать.

Но вскоре из 4004 донёсся резкий грохот, будто что-то разбивали и крушили. Чэньси, прильнув к глазку, отчаянно косил глазами вбок, но за дверью 4004 снова воцарилось спокойствие, и никто так и не открыл дверь.

Незаметно наступило половина одиннадцатого вечера. Он взглянул на телефон и, рассудив, что вряд ли услышит ещё что-то полезное, решил, что разумнее будет поскорее принять душ и лечь спать.

Придя к такому решению, он торопливо забежал в ванную.

В следующий миг плотно закрытая дверь комнаты 4004 медленно приоткрылась на щёлочку...

<http://bllate.org/book/20789/2089891>